

діяльності персоналу органів та установ виконання покарань в Україні. Історико-правовий правопис. 2017. № 1 (9). С. 109–114.

18. Зливко С.В., Гречанюк С.К., Мулявка Д.Г. Функціонування Державної кримінально-виконавчої служби в сучасних умовах: моногр. Чернігів: РВВ Чернігівського юридичного коледжу ДДУПВП, 2011. 161 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карелин Владислав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета Академии Государственной пенитенциарной службы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karelin Vladislav Vladimirovich – Candidate of Law Sciences, Senior Lieutenant of Internal Service Associate Professor at the Department of Criminal Law, Penal Law and Criminology of Academy of the State Penitentiary Service

vlad.karelin1989@ukr.net

УДК 343.85

ИДЕЯ ТЕХНИКИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Руслан КОМИСАРЧУК,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье определены отдельные компоненты учения о криминалистической технологии, основанные на технологической парадигме, которая может объяснить возникающие проблемы криминалистики и определить пути их решения. Но прежде чем перейти к анализу технологической парадигмы криминалистики, нужно обратиться к проблеме возникновения самой идеи техники, ее трансформации в историко-философском пространстве человечества, в конце концов, она сыграла фундаментальную роль в формировании криминалистики как науки, а в настоящее время – учения о криминалистической технологии. Тематическое исследование актуально для дальнейшего развития криминалистических знаний, судебной, следственной, адвокатской, экспертной практики.

Ключевые слова: общая теория криминалистики, учение о криминалистической технологии, технологическая парадигма, объект и предмет криминалистики, техника, криминалистическая техника, цель, задачи и функции криминалистики.

THE IDEA OF TECHNIQUE AS A PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF A TECHNOLOGICAL PARADIGM OF CRIMINALISTICS

Ruslan KOMISARCHUK,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminalistics of National University "Odessa Academy of Law"

SUMMARY

The article defines the separate components of the doctrine of forensic technology, based on a technological paradigm that can explain the emerging problems of criminalistics science and determine the ways to solve them. But before proceeding to the analysis of the technological paradigm of criminalistics, one must turn to the problem of the emergence of the very idea of technique, its transformation in the historical and philosophical space of mankind, after all, it played a fundamental role in the formation of criminalistics science as a science, and at the present time – the doctrine of criminalistics technology. Thematic research is relevant for the further development of forensic knowledge, judicial, prosecutorial, investigative, advocacy, expert practice.

Key words: general theory of criminalistics, the doctrine of forensic technology, technological paradigm, object and subject of criminalistics, technique, forensic technique, purpose, tasks and functions of criminalistics.

Постановка проблемы. Возникновение нового криминалистического учения о криминалистической технологии как нового типа криминалистики, имеет свои предпосылки как эмпирического, так и теоретического характера, но главным стимулом её формирования выступает научная проблема и научная идея. Проблемные ситуации в криминалистике возникают как в процессе научных исследований, так и в практической деятельности.

Одна из приоритетных задач – изменение методологии криминалистики и определения ее общей парадигмы. Но перед тем, как обратиться к анализу парадигмы криминалистики, нужно обратиться к идее ее возникновения. Этой идеей является «идея» техники.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы. Термин «техника» с самого начала своего появления объединил в своем содержании два основ-

ных аспекта: первый – техника как искусственное творение человека, орудия труда, артефакты, которые помогают человеку в преобразовании действительности, второй – техника как совокупность методов и приемов, операций, необходимых для осуществления деятельности. Во втором случае нередко пользуются термином «технология».

Выяснение различий в понимании толкование слова «техника» в узком и широком смысле необходимо для того, чтобы понять, почему немецкоязычными криминалистами конца XIX – начала XX в., а также российскими дореволюционными юристами активно использовалось понятие «Kriminaltechnik», что переводилось в Российской империи как «уголовная техника», а позже – как «криминалистическая техника».

Состояние исследования. «Идея» техники как основание возникновения криминалистики в криминалистической науке в таком аспекте не исследовалась. Наряду с этим вопросом не исследованы также: общая теория криминалистики; объект криминалистики как науки; эпистемология криминалистики; история криминалистики; философия криминалистики; аналитическая криминалистика и т.п.

Целью и задачей статьи является исследование эволюции знаний о технике как основной «идее», из которой возникла криминалистика, и которая в настоящее время является одним из источников формирования учения о криминалистической технологии.

Изложение основного материала. Техника с давних времен привлекала внимание мыслителей, однако идея техники родилась в античности, которая послужила исходной точкой ее трансформации в истории развития общества, а впоследствии и философской мысли. Само слово «идея» (эйдос) означают «видимая фигура», «внешний вид». Идея техники, сформулированная в античности, отражала не только человеческие артефакты, но и божественное, космологическое. Античное «техно» содержит совсем не то значение, которое есть в нашем понимании. «Техно» – это, во-первых, ремесло, во-вторых, искусство и, в-третьих, наука. Греки не отличали ремесла и искусства от науки, потому что науку они понимали практически. Конечно, чистое миро-

воззрение возможно, но это – абстракция. Реальная наука не является чистым мировоззрением, это всегда практика. Поэтому научное «техно» недалеко ушло от ремесленной или от художественной «технэ» [1, с. 545]. Ремесло выступает как одухотворенная вещь, которая не отличается от искусства.

У Платона (контекстуально) под техникой понимается любое ремесло, искусство создавать вещи. В «Государстве» Платон рассматривал «искусство как подражание подражанию идеи (эйдос)» [2, с. 407].

В «Метафизике» Аристотель сравнивает людей «опытных», которые не знают науки, с людьми «опытными» и знакомыми с наукой [3, с. 20]. Аристотель, развивая учение о причинах и первичности всего сущего, указывал, что у каждой вещи есть конкретная цель, высшей целью которой является Благо. Существующее всегда движение, по Аристотелю, возникает с перво-двигателя [4, с. 168; 5, с. 700]. В этом процессе важны и знания, и действие. Аристотель, объединяя эти две реальности (знание и действительность), по сути создает концепт единства мышления, знаний и деятельности. «Устанавливая связь действия и знания, Аристотель апеллировал не к устройству природы, а к сути деятельности <...>» [6, с. 201].

Позиция Платона и Аристотеля о взаимосвязи идей (сущностей) и вещей, оказала значительное влияние на развитие рационального, философско-научного мышления в целом и античной технологии в частности. В основе технологического мышления, как правило, лежат рациональные формы и впервые в античной философии и науке для развития технологии формируются адекватные формы осознания [6, с. 202].

Отдельные попытки, направленные на описание технических систем, переросли в XVII – XVIII веках в систему инженерного образования, в технологию как комплекс знаний о технике. Инженерия превратила технику в практическое поле своих исследований.

В эпоху Нового времени заметно возросла роль техники в жизни человека, как писали Ф. Бэкон, Р. Декарт, в философских системах которых царит субъект-объектная оппозиция. «Бэконовская установка разделения мира

на «субъект» и «объект» определила развитие европейской философии и науки до настоящего времени, во многом являясь источником техногенной цивилизации» [7; 8]. Бэкон исследовал взаимосвязи между мышлением человека и применением орудий труда, что привело его к открытию роли метода познания как орудия, которым должна овладеть наука [9].

Переворот философской мысли XVII века произошел «благодаря тому, что Декарт поставил людей по отношению к природе на такую позицию, с которой вообще и открываются возможности завоевания природы. Декарт научил людей думать так, что они смогли создать технику» [10; 11, с. 260]. Конкретизацией рационалистической методологии стали позитивистская и марксистская концепции XIX в.

В XIX веке создается наука об обществе, которая подобно природной науке открывает и обосновывает законы общественного развития – «позитивная» социальная теория, позволяющая руководителям утвердить в обществе благополучие и порядок, технический прогресс. В позитивизме техника становится предметом рассмотрения для таких мыслителей, как О. Конт, Э. Литтре, И. Тен [12, с. 584; 13].

Марксистская концепция рассматривает рациональность как способность человека не только производить представление об идеальном объекте (идеал, модель, теория), но и воплощать его в формах практической деятельности. Техника – это система искусственных органов общественного человека, составная часть производительных сил общества, их вещный элемент. В системе социальных отношений техника выступает как нейтральный элемент, но как достаточно активный в преобразовании природы, способствуя научно-техническому прогрессу. «Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и вытекающих из них духовных представлений» [14, с. 179–180]. Карл Маркс формулирует основные положения материалистического понимания истории, согласно которому способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс [15, с. 7].

Таким образом, в научно-правовой оборот государств континентальной правовой системы техника как самостоятельное доктринальное понятие, как объект научного изучения и практического использования вошла в XVIII веке. Одной из исторических предпосылок такой революции в праве и формирования понятия техники в системе правовых категорий стран романо-германского права стало вытеснение телологического мировоззрения средних веков юридическим мировоззрением буржуазии. В его рамках правовые формы, которые возникли на почве римского права, рассматривались как основа общества [16, с. 9–12]. Было официально признано, что законы творит и применяет человек. В результате причины и тенденции трансформации права, вопросы техники построения, реализации и применения правовых норм становятся объектом исследования.

Таким образом, «<...> в конце XVIII – начале XIX вв. возникает законодательная политика, которая применяет меры к совершенствованию предлагаемых законов» [17, с. 168]. Логическим же следствием такого отношения к праву стало появление в научной сфере концепции «юридической техники», основу которой составил догматический юридический метод [16, с. 11], в рамках которого Р. фон Иерингом и было сформулировано определение юридической техники в объективном и субъективном смысле: «В первом смысле я понимаю под выражением «техника» – юридическое искусство, задачей которого является формальная обработка правового материала <...>, технический метод; во втором смысле – осуществление этой задачи в самом праве, то есть соответствующий технический механизм права» [18, с. 25].

Следует отметить, что фактически вопросы техники создания и применения права поднимались в правовой науке и до Р. фон Иеринга [19; 20; 21]. Однако Р. фон Иеринг считается основоположником учения о юридической технике, так как он впервые ввел в научный оборот понятие «юридическая техника», обосновал его автономность от юриспруденции, раскрыл его содержание.

К середине XIX в. слово «Technik» уже использовалось в следующих двух основных значениях: в узком смысле

оно относилось к материальным аспектам производства (набор материальных практик), а в широком – включало правила, процедуры и навыки, необходимые для достижения определенной цели. Таким образом, при широком смысле толкования слова «Technik» включало в себя совокупность знаний, профессиональных приемов и способов выполнения любой деятельности [22, с. 122–123]. Именно на основании позитивистской, марксистской концепции и учения Р. фон Иеринга о «юридической технике» и возникает криминалистика, ее ростки, прежде всего в немецкоязычном пространстве, ведь в первой половине XIX века в Европе возникает и получает развитие криминальная полиция.

Развитие специальных служб, основная задача которых состояла в борьбе с преступностью, наводило на мысль о том, что успешная деятельность этих органов зависит не только от личных индивидуальных и профессиональных качеств их сотрудников, но и от уровня и качества их специальных знаний. Именно поэтому формируется круг криминалистов, начинают разрабатываться технические средства, а также приемы и методы их применения. Но развитию криминалистики как науки предшествовали не только вышеуказанные научные обобщения, а многовековая практика расследования преступлений [23, с. 8], что исторически и генетически связано с «обычным» знанием о борьбе с преступностью, накопленным в течение многих веков и проверенным на истинность повседневной практикой выявления, расследования и предупреждения преступлений. Так, появление докриминалистических знаний относится к периоду существования Римской Империи. В источниках римского права сохранились сведения о большом искусстве экспертов того времени, которые занимались исследованием документов на предмет фальсификации. Анализ исторических исследований позволяет сделать вывод о том, что зарождение криминалистической экспертизы документов состоялось так же давно, как и знания в сфере медицины.

На территории Российской империи зарождение криминалистических знаний может быть отнесено к XIV–XV вв. Так, в XV в. решение о спорных доку-

ментах сначала выносилось на основании непосредственного осмотра, а также показаний свидетелей, подкрепленных крестным целованием (присягой), и судебным поединком. Осведомленных лиц для решения спорных вопросов не приглашали.

Формирование в XV–XVI вв. централизованных государств и развитие товарно-денежных отношений, усиление хозяйственного оборота повлекли за собой разного рода злоупотребления, в частности подделку договоров, купчих грамот и других документов. В торговых центрах – Пскове, Новгороде, Киеве дьяки в необходимых случаях проводили «свидетельство» (то есть изучение) заподозренных в подделке документов, сверку подписей, выявление подделки. О том, что исследование документов было во Франции уже в начале XVII в., свидетельствуют работы Демелле «Советы по распознаванию поддельных рукописей и сравнения почерков и подписей» и Ж. Ровена «Трактат об исследовании письма» [24].

Но зарождение криминалистики как самостоятельной науки следует отнести к концу XIX в., когда при расследовании преступлений стали применяться естественные методы. Их разработка в то время осуществлялась в ряде европейских стран, и прежде всего во Франции, Англии, Германии. В этот исторический период в Европе появляются антропометрическая и дактилоскопическая [25, с. 20–31] система регистрации преступников. Систематизируются и находят научную основу метод «сигналитической фотографии» и описания внешности человека по методу «словесного портрета». Тогда, в первой половине XIX в., Людвиг фон Ягеман обобщил практику расследования преступлений, а также имеющуюся на тот период времени литературу по этой тематике и предложил рационально обоснованную, систематизированную и содержательно непротиворечивую общую концепцию раскрытия и расследования преступлений, назвав ее «Untersuchungskunde» – «учение (наука) о расследовании (производстве расследования)» [26, с. 62–68].

В частности, Франц фон Лист использовал слово «криминалистика» как общее понятие для всех уголовно-правовых дисциплин («для всеобщей (общей) науки уголовного права»). Кроме

того, содержание таких понятий, как «техника», «уголовная техника», «уголовная тактика», «криминалист» также менялось на протяжении веков. При этом значение этих слов во временном дискурсе нередко существенно отличается от первоисточника.

Результатом накопления практического опыта, что происходило в течение XIX в., и появления научно обоснованных систем криминалистической регистрации явилась работа австрийского судебного следователя Ганса Гросса «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции» [27] (1893 г.). В этой работе Ганс Гросс сделал обобщение и систематизацию разработанных его предшественниками и им самим технических и тактических средств и приемов борьбы с преступностью, которые неразрывно были связаны с использованием таких наук, как физика, химия, биология. Особое внимание Г. Гросс уделял труду судебного следователя, отмечая, что «труд судебного следователя не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из ряда отдельных действий или приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать» [27, с. 13]. Соответственно, к этому времени исследователи ведут, как правило, речь о предыстории криминалистики, то есть историю развития обыденно-практического криминалистического знания.

Г. Гросс использовал слово «криминалистика» в качестве названия особой дисциплины «со строго ограниченной сферой и основательной обработкой ее отделов» (в 1894 году Г. Гросс использовал слово «криминалистика» в своей статье «Образование практических юристов») [28, с. 1–8]. Благодаря этому слово «криминалистика» получило новое значение: стало использоваться Г. Гроссом и его последователями в качестве названия особой научной дисциплины, занимающейся раскрытием преступлений на научной основе.

Итак, основоположники криминалистики ученые-практики западных научных школ на основе указанных учений (Гросс, А. Вейнгардт, Р. Рейс, Х. Вучетич, Ч. Ломброзо, С. Оттоленги, Е. Локар и другие) предложили новые способы изучения уголовных доказательств, средства, приемы и методы расследования преступлений. Но,

на этом миссия техники для криминалистики, особенно для отечественной криминалистики, не закончилась. Так, впереди еще Первая мировая война и революция в Российской империи (с ее последующим распадом), приход к власти большевиков, а дальше – коммунистов и Вторая мировая война и прочее. Все отмеченное повлияло на основную проблему отечественной криминалистики, а именно: она базировалась на марксистской парадигме, и марксизм, как официальная государственная идеология и сегодня продолжает рассматриваться как основополагающая, ведь содержание этих понятий не изменилось [29, с. 42].

После развала СССР в Украине так и не появилась «альтернативная криминалистика», но наука не стояла все это время на месте. Так, идея техники, категориально оформленная в античности, эволюционирует от представлений о технике как проявленное в мире, сделанное руками человека при воздействии высших сил, к классическим и неклассическим концепциям технологического знания XIX–XXI веков, в которых техника рассматривается как продукт человеческой цивилизации, инструментальное средство, техническое знание, проявление «секретности», бытия истины [30]. Подходы к оценке функциональной природы техники и историко-философские концепты интерпретации техники свидетельствуют о многогранности данного феномена который и сегодня продолжает оказывать свое влияние на современную криминалистику и ее дальнейшее развитие. Ведь данная идея привела к возникновению в XX веке технологической парадигмы, которая приобретает статус научно-практического применения, в совокупности формирует модели различных парадигм. В правоприменении одной из таких парадигм и является технологическая парадигма криминалистики, как сложная открытая система, в которой взаимосвязаны следующие элементы: технологически-технический, управленческий, технологически тактический, информационно-технологический.

Выводы. Таким образом, техника является неотъемлемой стороной современной криминалистики. Изучение техники способствует выработке концепции криминалистической техно-

логии борьбы с преступностью, с помощью которой человек и общество могли бы обеспечить свое безопасное существование.

Список использованной литературы:

1. Лосев А. Двенадцать тезисов об античной культуре различие тождество индивидуализм. Античная литература: учебник для высшей школы; под ред. А.А. Тахо-Годи. 5-е изд., дораб. М.: ЧеРо, 1997. 543 с.
2. Платон. Государство. Мыслители Греции. От мифа к логике. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 405.
3. Аристотель. Метафизика. М.: изд-во Эксмо, 2006. 608 с. (Антология мысли). (Перевод в редакции 1934 г.).
4. Аристотель. О душе. 1937. 160 с. URL: <https://studfiles.net/preview/2675388/pdf>
5. Аристотель Политика. Мыслители Древней Греции. От мифа к логике. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 551.
6. Розин В.М. Предпосылки и особенности античной культуры. М., 2004. 297с.
7. Дугин А. Эволюция парадигмальных оснований науки. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909080119xhtml>
8. Мартынычев И.В. Мировоззрение естествоиспытателя. М.: Мысль, 1980. 219 с.
9. Бэкон Ф. Новый Органон. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд.; сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л. Субботина. М., «Мысль», 1978. Т. 2. 575 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
10. Философский словарь. URL: sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=47&wordid=194361
11. Декарт Р. Сочинения; в 2 т.: пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
12. Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии; в 4-х томах. М.: Мысль, 1971. Т. 3. 760 с.
13. Конт и Милль, в кн.: Тэн И. Об уме и познании. СПб, 1872. Т. 2.
14. Маркс К., Энгельс Ф., Избранные письма. М.: Госполитиздат, 1953.
15. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Изд-во Либроком, 2012. 178 с. ISBN 978-5-397-02395-5.

16. Муромцев Г.И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты). Правоведение. 2000. № 1. С. 9–20.
17. Зингель Ф.Ф. Право и прогресс. Варшавские университетские известия. 1913. № 6. С. 160–171.
18. Иеринг Р. Юридическая техника; пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб.: Типо-Литография А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1905. 105 с.
19. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. 184 с.
20. Монтескье Ш.Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1900. 797 с.
21. Бентам Дж. Основные начала Уголовного кодекса. СПб.: Изд-во «Русская книжная торговля», 1867. Т. 1: Избранные сочинения. 746 с. Вес: 1602 гр. Формат: 26x19. Тип обложки: тв. переплет.
22. Сокол В.Ю. Криминалистика в Германии: понятие, система, перспективы; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар: КрУ МВД России, 2010. 258 с.: ил.; 22 см.; ISBN 978-5-9266-0364-1. Государство и право. Юридические науки. Криминалистика–ФРГ
23. Ищенко Е.П. К вопросу о первоисточках криминалистики. Вестник криминалистики; отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2009. № 4 (32). С. 6–13.
24. Криміналістичне документознавство: практ. посіб. / В.В. Бірюков, В.В. Коваленко, Т.П. Бірюкова, К.М. Ковальов; за заг. ред. В.В. Бірюкова. Вид. ПАЛИВОДА А.В., 2007. 332с.
25. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. Алматы: Жеті Жарғы, 1995. 431 с.
26. Сокол В.Ю. Людвиг фон Ягеманн – основатель научной системы расследования преступлений и криминалистики. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 2 (16). С. 62–68.
27. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
28. Gross H. Die Ausbildung des praktischen Juristen. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Bd. 14. 1894. S. 1–18.
29. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики; в 3-х томах. М.: Юристъ, 1997. Т. 1. 408 с.
30. Калмыкова О.М. Технологические парадигмы XX–XXI вв.: философско-концептуальный анализ: дисс ... кандидата философских наук: 09.00.08; Место защиты: Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2012. 143 с.: ил.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комисарчук Руслан Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komisarchuk Ruslan Vasilevich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminalistics of National University "Odessa Academy of Law"

komisarrr@ukr.net